

9 МАЯ 1980

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
Г. МОСКВА

стреляли. Вскоре мы остались вдвоем и продолжали стрелять. В сущности это был мой первый настоящий, осознанный бой. Все, что происходило до этого, весь тот жаркий июль 1941 года, происходило в плотной массе однополчан, делалось по команде, как бы не мною. Эта же перестрелка шла от ярости, с той злостью нашей, с которой воевалось и дальше. Эпизод этот, ничтожный, незначительный, стал для меня рубежом — с него я ощутил себя солдатом, бойцом. А литературным он фактом стал потому, что, отойдя потом в лес, мы с Сашей Ермолаевым встретили там старого интенданта, который идти не мог — сердце не позволяло, и нам не позволил помочь ему, сказал, что догонит, а когда мы отошли, застрелился. Об этом я написал в цикле рассказов «Молодая война».

3—4. О войне я написал мало, хотя война моя была долгой. Трудная это тема. Но хочется еще написать и про первый год войны, и про последний, про наших танкистов, про защитников Ленинграда, про снятие блокады, о моих командирах, комиссарах, однополчанах.

Например, о Захаре Коминарове, ныне покойном моем комбате, о живых моих командирах Павле Литвинове, Александре Ермолаеве. Славная послевоенная их жизнь достойна их фронтовой жизни. Если бы удалось это как-то соединить!

5. Война — это не доблесть, это несчастье, это беда народная. И, вспоминая о моих погибших товарищах, думаю, что беду войны солдат может уменьшить лишь своим умением воевать.

Ленинград.

Даниил ГРАНИН:

«Приняли бой вдвоем»

1. Это было в конце июля 1941 года. Полк нашей дивизии народного ополчения попал в окружение где-то под Лугой, мы отходили. В деревню, где мы остановились, ворвались немецкие мотоциклисты. Завязался бой. Мы с А. С. Ермолаевым лежали на огороде и отстреливались от немцев. Они строчили в нас из автоматов сверху, из-за сараев, а мы ползли между грядок и

Редакция «Советской России» благодарит писателей-фронтовиков, ответивших на вопросы редакции.